

дочка, круглое); по месту создания (6 названий) (*вытегора, капшинская*); по месту исполнения (2 названия) (*лужок, деревенский кружок*).

Названия танцев, образованные по названию или содержанию песни (*заинька, черничек, раскамаринская*), сформировались под влиянием народно-поэтической речи как функционально-стилевой разновидности диалекта.

Обращает на себя внимание непоследовательность разделения народных хореографических произведений на «танцы» и «пляски», проводимого словарями русских народных говоров. Так, к разряду плясок отнесены только *барынька, берёзка, богородская, боровецкая, бравецкая и буровецкая, двуплас и двупляска, девичник, капуста, козел, круговая, лучинушка и лученушка, метелица, общая, осьмаки и осьмачки, осмёрка и осьмёрка, простая, святой, святолуцкая, святорусская, сударушка, троицкая, тряска*; все остальные названия относятся к танцам. Повидимому, проведение такой дифференциации представляет объективную трудность для составителей словарей, так как они имеют дело лишь с лингвистической стороной реалий, что не позволяет провести четкую границу между танцами и плясками, ведь принцип разделения заложен в содержании реалии: хореографы полагают, что пляски носят импровизационный характер, не имеют установленной композиции и заданного числа исполнителей, в то время как русские танцы имеют строго установленную композицию с фиксированными движениями. Народный же взгляд на противопоставление танцев и плясок иной: *Медведь танцует, а человек пляшет* (Даль 4, 390).

Е. Н. Топорова

Из наблюдений над явлением лексической мотивации в говорах Русского Севера

Как свидетельствуют многочисленные результаты исследований, проводимых в области лексикологии, в диалектной языковой среде тенденция к мотивированности слова проявляется более широко и свободно, нежели в среде общелитературного языка, и процент активного использования мотивированной лексики в говорах значительно выше. Поэтому-то говоры являются своеобразной «кладовой», которая предоставляет богатые запасы лексического материала для изучения явления мотивации. Рассмотрим некоторые случаи лексической мотивации слов в говорах Архангельской и Вологодской областей (наши наблюдения базируются на материалах картотеки «Словаря говоров Русского Севера», хранящейся на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета).

Известно, что в мотивированной лексике закреплены своего рода итоги, этапы познавательной деятельности человека в системе его взаимоотношений с окружающим миром, с другими людьми, и внутренняя форма слова отражает опыт этой деятельности. Внутреннюю форму можно назвать средством реализации мотивированности слова, и, как указывает А.А. Потебня в своей работе «Мысль и язык», это есть «...центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными»¹. Так, «центром образа» при создании такого наименования полотенца, как **вытиральныйник**, послужил факт применения данной реалии для вытирания. При возникновении наименования полки для посуды **посудник** «сыграла» совершенно естественная мотивация словом «посуда» (регулярно актуализируемая в имеющихся метатекстовых высказываниях): *Посудником-то называем, куда посуду кладем* (М-Реч, Карповское); *Посудники под посуду – под блюда, под ложки* (М-Реч, Ковригино); *Посуду-то на посудник ставили* (Хар, Кузовлево).

Наиболее полное свое выражение процесс мотивации находит во время естественного коммуникативно-речевого акта. По утверждению Н.Д. Голева, сущность речевой мотивации – это «опора на предшествующие элементы при разворачивании текста (при создании новых речевых единиц)². Для говорящего, стремящегося к возможно большей функциональности своей речи, главным является то, чтобы найти и задействовать средства, способные активизировать, актуализировать у слушающего представление о мыслимом предмете, событии или явлении через известные тому элементы (уже представленные в речевом материале и находящие в нем свою реализацию), поэтому он прибегает к использованию мотивированной лексики. При этом говорящий, как правило, избирает в качестве мотивировочных признаков называемых имен такие, которые выступают в качестве ведущих, главенствующих, «бросающихся в глаза» (ср. аналогию Потебни между «бросающимся в глаза признаком» и основанием для сравнения³). Например, для слова **студене́ц** в значении «родник, ключ (на поверхности земли или в реке)» мотивировочным признаком послужила такая особенность данной реалии, как низкая, «студеная» температура: *Родники эти студенцами назывались, холодно это, яблобо очень* (Уст, Студенец). Для широко распространенного в говорах Архангельской и Вологодской областей названия разновидности осоки **резун** (а также вариантов **резуга**, **резунец**, **резунина**, **резунка**, **резунья**) мотивировочным признаком оказалось

¹ Потебня А.А. Мысль и язык. Киев, 1993. С. 100.

² Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989. С. 14.

³ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 138.

характерное свойство этой травы наносить порезы: *Осока есь кругла, а есь широкая, руки режет, эта осока – резун* (Ваш, Б.Двор); *Резуга – длинна трава, широкая, рвать – дак руки можно обрезать, за это и зовут резуга* (Баб, Новинка); *Резунец такой длинный, а жесткий, резунец руки режет* (Карг, Анфимово); *Вельжина – высокая трава, резунца ешио зовут, возьми – так палец порежешь* (Чаг, Заручевье); *Трава такая резунья растет, она колючая, порежет руку* (К-Б, Кичайкино) (лексические мотиваторы – глаголы «резать», «порезать»).

А.А. Потебня проводил параллель между мотивационным признаком и ударением, подчеркивая, что мотивационный признак является «ударным» в ряду других признаков выражаемого содержания⁴. И, как уже говорилось ранее, совершенно естественным и закономерным является то, что диалектоноситель в процессе номинации ориентируется на те признаки номинируемой реалии, которые представляются наиболее существенными (следует отметить, что такого рода представления неизбежно будут в какой-то мере субъективными, поскольку они зависимы от поля восприятия номинатора, восприятие же, в свою очередь, зависит от имеющихся у человека знаний, интересов, склонностей и навыков). Однако нередко бывает, что в речевой практике одновременно сосуществуют сразу несколько вариантов наименования одной реалии, т.е. языковым сознанием вычленяется и актуализируется сразу несколько признаков, способных стать мотивировочными. Так, при наименовании осоки диалектоноситель не ограничивается вычленением мотивационного признака, отражающего способность травы наносить порезы (и послужившего для создания лексемы **резун** и ее лексико-морфологических вариантов), им вычленяется и другой признак – острота режущей листовой пластины травы, мотивирующий лексему **востру́ха**: *Воструха – одни востры листочки, никаких дудочек нет* (Уст, Максимовская).

В ряде случаев в процессе создания новых лексических единиц наряду с бесспорно значительными мотивировочными признаками участвуют и такие, которые можно признать малосущественными. К примеру, среди признаков, мотивирующих такие названия трясины, топкого места на болоте, как **вязель**, **расплавинка**, **черновина**, к числу важных относятся те, которые определяют характерные свойства места – то, что в нем можно завязнуть (*Вязель – место сырое, завязнуть можно*), что оно «расплавляется» под ногами (*Расплавинка – она под тобой расплавляется*), а к числу малозначительных – определяющие его цветные

⁴ Там же. С. 146.

качества (*Черновина-то такое незаросшее болото, сверху ржавчиной покрыто, черным кажется...*). Имеющиеся факты свидетельствуют, что более продуктивными и «конкурентоспособными» являются лексические единицы с более существенными мотивировочными признаками.

Приведем еще некоторые примеры одновременного сосуществования в языке вариантов наименования одной реалии, мотивированных различными ее признаками (не останавливаясь на подробном рассмотрении мотивировочных признаков, поскольку они достаточно четко фиксируются диалектоносителями в иллюстративных метатекстовых высказываниях):

‘вязаные варежки’: **вя́зянки** – *Вязянки-то из шерсти вяжем* (Устюж, Ромашково); *Вязянки, раз вяжут их* (Устюж, Свистуны); **надерга́шки** – *Их только на руку надернешь быстро – вот надергашки* (Ваш, Н.Хотино);

‘вызревшая, спелая морошка’: **мякúхи** – *Мягие морошки мякухи называются* (Баб, Ракита); **талéц** (**талíк**, **талё́**) – *Собираем и красную морошку, и талыцы, они как стаяли – мягкие, водяные делаются* (Кон, Красково); *Талики тают в ладони, размазываются* (Бел, Ново); *Талик – уж когда поспеет, тает во рту, потому и талик* (Бел, Тимофеевская); *Созреет морошка, дак с корзинкой не ходи, ходи с ведром, она тает, талё́ стала* (Хар, Дор);

‘олады’: **поворо́тыши** – *Поворотыши побольше, поворачивали их со стороны на сторону* (Хар, Борисиха); **пресне́цы** – *Преснецы из пресного теста делали* (В-Т, Акуловская);

‘тетерев’: **польнй́к** (**по́льник**) – *Польник все больше по полям живет* (Карг, Н. Конец); *Польников мало сейчас, они на полях водятся* (Бел, Пятница); *Польник потому так зовется, что в поле обитает* (Уст, Плесковская); **чува́ш** – *Чуваш-то тетерев, почему зовут так – чувышкает он* (Гряз, Камешник);

‘гриб-дождевик’: **пы́халка** (**пы́рхалка**) – *Пыхалки гожи, когда изопреют ножки у робят, запышешь, и зарастает быстро, лечебная она* (Уст, Анциферовская); *Ногу сотрешь, это пырхалкой попырхашь – сразу заживет* (Кон, Сидоровская); **ба́ня** – *Коричневый такой дым-от идет, как наступишь, в шутку баней называли* (Кир, Чарозеро).

Последний пример наименования – **ба́ня** ‘гриб-дождевик’ – обращает на себя особое внимание. Здесь налицо ассоциативный перенос: баня при протопке курится дымом, и гриб (словно баня) тоже «курится», только не дымом, а выпускаемыми спорами. Слова, способные к семантическому варьированию, представляют примерно половину лексиче-

ского состава современного русского языка, и, по существу, ни один лексико-семантический вариант слова не существует вне мотивационных отношений⁵. Весьма продуктивен тип семантической мотивировки и для диалектной лексики, он помогает создавать дополнительные эмоциональность и выразительность лексической единицы за счет мотивации, основанной на метафорических связях. Перенос значения осуществляется в связи с подмеченной говорящим аналогией между мотиватором и мотивируемым: аналогией формы – **самоварчик** ‘желтая водяная лия, ее цветок или семенная коробочка’ (*Самоварчики – желтые цветочки на воде, как есть самоварчики*), признака – **зайцы** ‘иней, проступающий на стенах внутри дома’ (*Зайцы-то в углу, совсем холодно; они белые, вот и зайцы*), качества – **солнышко** ‘место около печки на кухне’ (*«Солнышко» зовем, где сама печь, там жарко, вот и солнышко*), действия или функционирования – **кобылка** ‘затвор, шеколда на двери’ (*За веревочку тянешь, а она так и бежит, вот кобылкой и зовут*). В приведенных примерах четко проявляют себя абстрагирующие свойства человеческого мышления и активная роль познающего субъекта в акте номинации, а также умение человеческого мышления ассоциативно связывать явления и предметы окружающего мира, его способность подмечать общие признаки и качества разных предметов в результате общности или близости создаваемых ими впечатлений. Причем характер образов основывается на сложившейся в языке и сознании народа традиции и, следовательно, в различных языках будет разным. Например, если в русском общелитературном языке для обозначения толстого, низкорослого человека используется слово **бочка**, то в испанском – *betija* ‘кувшин’⁶; ср. **бадьа** в говорах Вологодской области: *А толстый какой, дак «бадьа» говорим* (В-Уст, Касьянка).

Рассмотренные нами случаи номинации наглядно иллюстрируют тезисы о склонности диалектоносителя к употреблению слов, мотивировочный признак которых отличается конкретностью и наглядностью, о том, насколько важен для него (для диалектоносителя) фактор осознания живой внутренней формы слова. Прослеживается тенденция к замене на слова с живой внутренней формой тех лексических единиц, внутренняя форма которых утрачивает в силу разных причин свою ясность, становится «мертвой». К примеру, изначальная мотивированность слова **пчела** стерлась из языкового сознания (одной из исходных форм считается **bъcela*, в ней видят ступень чередования к **бучать** ‘жужжать’,

⁵ Блинова О. И. Явление мотивации слов. Томск, 1984. С. 118.

⁶ Блинова О. И. Явление мотивации слов. С. 95.

бúчень ‘шмель’, букашка, бык⁷⁾), и в диалектной речи возникает новое наименование, с четко осознаваемой звукоподражательной мотивировкой – бúbарка: *Бубарка с полосочками черными, заберется в цветок и «бу-бу-бу»* (Уст, Кошкинская).

Л.Г. Гусева

Слова с префиксом без- (бес-) в устаревшей уральской лексике

В составе устаревшей уральской лексики значительное место занимает достаточно многочисленная группа слов, объединенных наличием префикса без-(бес-). По данным СРНГ, основанном на материалах XIX–XX вв., на территории бывшей Пермской губернии зафиксированы следующие слова, отсутствующие в современных уральских словарях:

безбóжить 1) ‘становиться безбожником’ Исет. Перм. 1923; 2) ‘использовать для достижения чего-либо бесчестные приемы’ Исет. Перм. 1923;

безбóязнь и **безбо́язнь** ‘смелость, бесстрашие’ Исет. Перм. 1923 (181 – здесь и далее цифры в скобках обозначают номер страницы в СРНГ);

безвéдомно ‘так, чтобы не знали другие’ Исет. Перм. 1923;

безвéдомный ‘неизвестный’ Исет. Перм. 1923;

безвéкий ‘вечный, бесконечный по времени’ Исет. Перм. 1923;

безвёрный 1) ‘выражающий недоверие, недоверчивый’: *Безверный какой ты. Я тебе баю, что видел лешего сам своими глазами, а ты не веришь.* Перм. 1856; 2) ‘такой, на которого нельзя положиться, ненадежный’ Исет. Перм. 1923;

безвёрстно ‘не зная точного расстояния, количества верст’: *Подрядил везти безвёрстно* Исет. Перм. 1923;

безвёсный ‘легкий, не тяжелый’ Исет. Перм. 1923; **безвёсье** ‘легкость’ Исет. Перм. 1923;

безвётёрно ‘безветренно’ Исет. Перм. 1923; **безвётёрность** ‘безветрие’ Исет. Перм.; **безвётёрный** ‘безветренный’ Исет. Перм. 1923;

безвídно ‘невзрачно, неказисто’ Исет. Перм. 1923; **безвидный** ‘невзрачный, неказистый’ Исет. Перм. 1923;

безвóдеть 1) ‘терять воду (о реках, озерах)’ Исет. Перм. 1923; 2) ‘испытывать недостаток в воде (о людях, животных)’ Исет. Перм. 1923; **безводица** ‘недостаток воды, влаги’: *Одолела нас в степях бескормица и безводица.* Даль (без указания места). Кубан., начало XX в., Исет. Перм. 1923;

безволосный ‘безволосый, плешивый’ Исет. Перм. 1923 (182);

⁷⁾ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 3. С. 416.